

«...в добрые чистые, молодые!»

ОБАЯНИЕ ОБРАЗА

Е Е ЗОВУТ Маруся. Тутие, косички — рыхие с черными бантами, клетчатое платье под школьными фартуком, туфли с круглыми резинками, которые она крепко от времени подтягивает — привычны движением, и главное — широко раскрыты глаза. Она школьница, и коричневый портфель, с которым она влезает в дом, — это не просто школьный портфель для тетрадей и книг, это выстукивание движением, и главное — широко раскрыты глаза.

Она школьница, и коричневый портфель, с которым она влезает в дом, — это не просто школьный портфель для тетрадей и книг, это выстукивание движением, и главное — широко раскрыты глаза.

Маруся множеством ходов, да, именно Маруся множеством ходов, да, именно Маруся, а не старшая сестра молодой актрисой, и во всей пьесе,

подавите рядовой работой Лене, которой недолгими завода, о трудной сут заниматься домашней борьбе за серия остро- «мелочами» — они и наконец не в точно найдены, не шестнадцати лет. Марченко «За чужим порогом», поставленная в Краснодарском краевом драматическом театре главным режиссером М. Кулаковским.

Маруся в этой семье — третий по возрасту. Есть еще двое сыновей мальчиков-близнецов, которые где-то там, там, где-то в детском саду, разут штаны и вообще доставляют заботы. Маруся множеством ходов, да, именно Маруся, она то прижимает его к груди, то небрежно и чутко опасливко держит за уголок... Отношения ее к портфелю сложно и многообразно, так же, впрочем, как и ко всему, что ее окружает...

Пожилая одиночка женщина стала материем для детей, оставшихся без родителей. Об этом нравственном

и эстетическом, даже не склонение мы угадываем черты будущего человека. Интересно и увлекательно наблюдать, как проявляется характер Маруси и в забавных сопоставлениях, и в готовности всегда помочь другому, и в полной отсутствии лигаментов и притворства, и в удивительной душевной чистоте.

В роли Маруси, как актрисой, и во всей пьесе,

немало сентиментальных буженной совести поражают, и нужно обладать актерским тактом и чувством меры, чтобы избавить ее от этого образа. Л. Кашавиной удалось сыграть Марусю гротескно, и, как сказала, мужественно.

Четыре года назад Лидия Кашавина окончила Краснодарскую студию при Доме народного творчества, два года проработала в Астраханском театре, вот второй сезон — в Краснодарском краевом драматическом театре имени Горького. Этими годы были творчески плодотворными для молодой актрисы. Лидия Кашавина за-

чивала на ее ясноглавую девчушку-непоседу Марусю, слушая ее иногда захлебывающейся обиженной пьесе «Афиногенова», Тони из «Дневника женщин», маленькой стюардессы Ира из «10 странами про любовь». А Нели — киприанская, избалованная, избалованная девушка из романской пьесы «В день свадьбы» вымысел единодушно осужденный в театре как студенческий

художник из Казахстана

АЛМА-АТА — МОСКВА. В столице, в павильоне № 6 Центрального парка культуры и отдыха имени Горького открыта персональная выставка произведений заслуженного деятеля искусств Казахской ССР Нагим-Бека Нурумхамедова.

Представлены в основном новые, недавно созданные известным живописцем работы. Это картины, посвященные родине, рассказывающие о городах и народе Бразилии: художник побывал в этой южноамериканской стране в туристической поездке. И, наконец, серия работ, посвященных славному Военному Морскому Флоту страны. Нурумхамедов служил на военных кораблях, он хорошо знает жизнь моряков, и это помогло ему создать интересную живописную летопись о советском флоте.

Выставка организована Союзом художников ССР и Казахской ССР,

На фото: Л. Кашавина в роли Маруси в «За чужим порогом».

Фото Т. ЧАЙКИ.

КИНО

«ЖИЛИ-БЫЛИ СТАРИК СО СТАРУХОЙ»

ОБЫЧНО читатель нетерпеливо и раношился последней главой, в котором изложены выводы критика. Я пойду наизнанку кизякательски нетерпеливо и скажу сразу: картины «Жили-были старик со старухой» хороши. Однако задача критики вовсе не в том, чтобы расстывать произведения искусства отметки по пятибалльной системе. Высоко оцененная талант художника, который вполне не соглашается с тем, что критики называют «разрывом произведения, спорить с его мнением и стилем.

На это место из Пушкина часто ссылаются, но я не могу не напомнить о том, как поэт сам удалился тому, что его Татьяна винила замуж. Пушкин удивился своему же реализму. Анализируя жизненные явления, предстающие на экране, он свободно, отказался от привычного конструктивизма характера, варяжского атеистического как характера, именем которого было «матросы и засады», разрывом в картине, и вспомнил о том, что в картине, как поговаривали, есть идейные и эстетические различия.

Этот принцип реализма не только

знали (знают) все, но следят за тем, как все наши литераторы), но и сумели использовать кинематографисты: Ю. Дунюк и В. Фрид в сценарии «Жили-были старик со старухой». Это сказалось прежде всего в характеристиках его основного героя Григория Ивановича Гусакова. Это не простой характер — беспокойный, колючий, требовательный, иногда исправительный и неспокойный. Вместе с тем он своеобразен не только по поведению, но, по основному своему содержанию.

После пожара, когда сгорел его дом со всем имуществом, Гусаков говорит: «Характер мне достался пылью... для такого человека, как я, пожар — это счастье». И покажет, что при «жизненности» (при своем счастье) он и сам начнет становиться «жизненностью». Вот почему, отнюдь не уединенный и оскорбленный стариком, отпускает его, потому что тот оказывается немощным, не способным спасти жизнь умирающему Григорию Ивановичу. Старик убедил его в правоте всем своим поведением.

Ю. Дунюк и В. Фрид нашли своего героя в национальной действительности и последовательно и умно, но лаконично свободного — противоречием развития проявил его через скромные персонажи сценическим для такого человека, как я, пожар — это счастье. И покажет, что при «жизненности» (при своем счастье) он и сам начнет становиться «жизненностью».

Вот почему он выбрасывает в окно, что он — комиссар, и спешит к погибающим в деревне старикам, и в этом тоже есть правда, что хочет проклять свою последнюю судьбу, но не кинуться на смерть, которая только скажет, что хочет поглядеть на смерть.

Когда пожар — это не приговор — старик всегда

поступает согласно своим представлениям о жизни, о поведении, поступком человека. Иногда он оказывается неправ, и нечестиво перекинуть на старика, и в этом же случае, когда он

западает в суету, и нечестиво

зап

ЭКРАНЫ МАЯ

В ЭТУ МИНУТУ люди с суровыми лицами выходили на середину улиц и перекрывали движение. Останавливались такси и автобусы. Встало пассажиры в троллейбусах и в трамваях. На улице Кирова маленькие мальчики, растерянно мешались от прохожего прохожему, не помнящим, почему с ним никто не играет. Потом он тоже застыл. В театре «Современник» был прерван спектакль. Зал стоял. А на экранах телевизоров в это время было нечестивое пламя. По всей стране было объявлено «минута молчания».

Эта минута-молчание могла быть спиритограммой передачами, посвященными 20-летию со дня окончания войны. На майской экране перед зрителями прошли самые разнообразные по жанру работы.

Прямой репортаж из Бретонской крепости. Крепости, ставшие уже легендой. Место изучения для рассказов и картин Сергея Синявина. Он и ведет прямую трансляцию.

Практически монополистами, воровавшими образы от первого лица, были Ильинские ополченцы Москвы. Порядок на которых противостояли настолько же неизвестным, что и сами ополченцы не знали, кто и каким образом обнаружил, что она давно вышла из рамок реального.

Еще одна встреча — с участниками Сенешального подполья, противостоявшими «высоким» артистам, которые, в свою очередь, выдавали ложные отрывки, состоят из четырех серий. А встречу, которая завершилась рассказом о судьбе героя, правду можно было бы назвать пятой Золушкой. Или, если угодно, продолжением самой жизни (и сопровождением) самой жизнью. В кинематографе, она еще раз удостоилась телевизионную премьеру этого фильма.

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ вписана в телезрители Европы. Короткие комедии, усиленные метафорами, различаются ная перекладами. В гравюровой строгости застыли кремлевские башни, те, что 24 года назад просматривались в оптических призраках гиперборейских орудий.

Приятно говорить, что благодаря телевидению мы получили возможность присутствовать на трибунах. Но это не так. Камера помогает увидеть не только то, что доступно стоящему на трибуне, но и то, что ему недоступно. Телевидение — это множество глаз и точек обзора. Оно позволяет взглянуть на происходящее с высоты птичьего полета, из полусмытого тумана. Прошлое то время, когда счастливый обладатель пропуска на Красную площадь рассказывал дамам, как это было. Теперь о том, «как это было», он рассказывает домашним, следящим за парадом по телевизору.

Члены, находившиеся во времена торжественной эпохи, вспоминают: «Виделись ли в партере видят большое поле и нюхомые фигуры людьи. Те же фигуры, выкаченные из камня, упруженные, передаваемые эстафетой, настолько сблизились с теми, что были в партере». События на телевидении — это одновременно и образ события. Это, как говорят Сергей Эйзенштейн, «то художественное выражение, которое не имеет самой сущности». Именно эту интерпретацию обычно мы имеем в виду, когда говорим о торжествах на Красной площади.

С каждым годом совершенствуется техника показа. Количество камер становится больше. Их точки зрения — уникальные. К сожалению, без изменения остается только словесное сопровождение. Обилье, необязательных фраз: «Обратите внимание, как стройны рядами...». Устойчивые словосочетания, которыми мы слышали в прошлом и в предыдущем году. Слов, часть которых — заполните пазуху, слова-блант не понимают, а применяют телевизионное изображение.

Трансляции событий — искусство одиноких операторов, но и не меньшей мере комментаторов, режиссеров.

Телекамеры доступны отъезду не только в пространстве, но и во времени. Используя кадры-вспоминания, фотографии-отступления, документальные фонограммы, телевидение может представить «масштаб сообытий значительного объема, чем они это делают, ограничиваясь одной лишь трансляцией».

3. **Е**СЛИ, НАБЛЮДАЯ парад на своем экране, телезритель, без умолка, выигрывает в сравнении с тем, что стоит на трибуне, то время показа демонстрации его преимущества становятся относительными. Действительно, в эти годы мы выходим на улицу не ради того, чтобы наблюдать, а ради того, чтобы участвовать. Очевидно, это предполагает и иную функцию телекамер.

Что остается в памяти у человека, побывавшего на демонстрации? Сцену на Гоголевской бульваре, где народные массы автомата с газированной водой, свое студенческим сомбреро, укутавшись, играют на одной гитаре. А главное, общущее личного сопричастия. Ничего этого нет на экране телевидения, то она объединяет, пожалуй, всех телезрителей. (Впрочем, в нашей газете о передачах недели уже писалось).

Сейчас нам хотелось бы поговорить о языках, любителей которыхhardt не легко...

6. **О**ПРОС, проведенный среди телезрителей Польши, показал, что популярность приема передач склоняется на манеру женщины и мужчины одеваться, на образе жизни и даже на способах выражения мысли. Был ли можно измерить диапазон воздействия телевидения, ограничивший изучением лишь тематики передач?

Эти языки продолжают воздействовать на нас даже между передачами. Мы имеем в виду заставки. Иной раз та же заставка телевидения, но словами одного языка, может быть, даже языком, который мы не понимаем, может показаться такую же панораму. На экране телевидения искусство обобщения слов. Можно подумать, что все города покоятся друг на друге, а демонстрации различны лишь в языке.

Но ведь это совершенно не так. Одними являются не демонстрации, одни — языки, присущие их показу. Примечательна монотонность, добросовестная статичность нетерпимости земель, — они ведут к пропаганде самой идеи народного празднества. Телекамера отводит телезрителю

только одну позицию — позицию стороннего наблюдателя. Он как бы стоит у окна высотного здания, лишившись возможности спуститься вниз и смеяться с толпой.

А между тем он мог бы оказаться среди шагающих — при содействии видеокамеры. (Года два назад телевидение предприняло такую попытку, с тех пор она не повторялась). Он мог бы включиться в разговор, возникающий тут же, в холоне. (Вспомните телевизорный «прямой» на узинах в дни полетов космонавтов). Он мог бы вместе с одной из колонн прородить весь путь; скажем, от звезды «Калибра до Красной площади».

Несколько позднее, или нет, изображение и панорама, изображение и погружение в историю и приглашение...

А между тем он мог бы оказаться среди шагающих — при содействии видеокамеры. (Года два назад телевидение предприняло такую попытку, с тех пор она не повторялась). Он мог бы включиться в разговор, возникающий тут же, в холоне. (Вспомните телевизорный «прямой» на узинах в дни полетов космонавтов). Он мог бы вместе с одной из колонн прородить весь путь; скажем, от звезды «Калибра до Красной площади».

Несколько позднее, или нет, изображение и панорама, изображение и погружение в историю и приглашение...

А между тем он мог бы оказаться среди шагающих — при содействии видеокамеры. (Года два назад телевидение предприняло такую попытку, с тех пор она не повторялась). Он мог бы включиться в разговор, возникающий тут же, в холоне. (Вспомните телевизорный «прямой» на узинах в дни полетов космонавтов). Он мог бы вместе с одной из колонн прородить весь путь; скажем, от звезды «Калибра до Красной площади».

Несколько позднее, или нет, изображение и панорама, изображение и погружение в историю и приглашение...

А между тем он мог бы оказаться среди шагающих — при содействии видеокамеры. (Года два назад телевидение предприняло такую попытку, с тех пор она не повторялась). Он мог бы включиться в разговор, возникающий тут же, в холоне. (Вспомните телевизорный «прямой» на узинах в дни полетов космонавтов). Он мог бы вместе с одной из колонн прородить весь путь; скажем, от звезды «Калибра до Красной площади».

Несколько позднее, или нет, изображение и панорама, изображение и погружение в историю и приглашение...

А между тем он мог бы оказаться среди шагающих — при содействии видеокамеры. (Года два назад телевидение предприняло такую попытку, с тех пор она не повторялась). Он мог бы включиться в разговор, возникающий тут же, в холоне. (Вспомните телевизорный «прямой» на узинах в дни полетов космонавтов). Он мог бы вместе с одной из колонн прородить весь путь; скажем, от звезды «Калибра до Красной площади».

Несколько позднее, или нет, изображение и панорама, изображение и погружение в историю и приглашение...

А между тем он мог бы оказаться среди шагающих — при содействии видеокамеры. (Года два назад телевидение предприняло такую попытку, с тех пор она не повторялась). Он мог бы включиться в разговор, возникающий тут же, в холоне. (Вспомните телевизорный «прямой» на узинах в дни полетов космонавтов). Он мог бы вместе с одной из колонн прородить весь путь; скажем, от звезды «Калибра до Красной площади».

Несколько позднее, или нет, изображение и панорама, изображение и погружение в историю и приглашение...

А между тем он мог бы оказаться среди шагающих — при содействии видеокамеры. (Года два назад телевидение предприняло такую попытку, с тех пор она не повторялась). Он мог бы включиться в разговор, возникающий тут же, в холоне. (Вспомните телевизорный «прямой» на узинах в дни полетов космонавтов). Он мог бы вместе с одной из колонн прородить весь путь; скажем, от звезды «Калибра до Красной площади».

Несколько позднее, или нет, изображение и панорама, изображение и погружение в историю и приглашение...

А между тем он мог бы оказаться среди шагающих — при содействии видеокамеры. (Года два назад телевидение предприняло такую попытку, с тех пор она не повторялась). Он мог бы включиться в разговор, возникающий тут же, в холоне. (Вспомните телевизорный «прямой» на узинах в дни полетов космонавтов). Он мог бы вместе с одной из колонн прородить весь путь; скажем, от звезды «Калибра до Красной площади».

Несколько позднее, или нет, изображение и панорама, изображение и погружение в историю и приглашение...

А между тем он мог бы оказаться среди шагающих — при содействии видеокамеры. (Года два назад телевидение предприняло такую попытку, с тех пор она не повторялась). Он мог бы включиться в разговор, возникающий тут же, в холоне. (Вспомните телевизорный «прямой» на узинах в дни полетов космонавтов). Он мог бы вместе с одной из колонн прородить весь путь; скажем, от звезды «Калибра до Красной площади».

Несколько позднее, или нет, изображение и панорама, изображение и погружение в историю и приглашение...

А между тем он мог бы оказаться среди шагающих — при содействии видеокамеры. (Года два назад телевидение предприняло такую попытку, с тех пор она не повторялась). Он мог бы включиться в разговор, возникающий тут же, в холоне. (Вспомните телевизорный «прямой» на узинах в дни полетов космонавтов). Он мог бы вместе с одной из колонн прородить весь путь; скажем, от звезды «Калибра до Красной площади».

Несколько позднее, или нет, изображение и панорама, изображение и погружение в историю и приглашение...

А между тем он мог бы оказаться среди шагающих — при содействии видеокамеры. (Года два назад телевидение предприняло такую попытку, с тех пор она не повторялась). Он мог бы включиться в разговор, возникающий тут же, в холоне. (Вспомните телевизорный «прямой» на узинах в дни полетов космонавтов). Он мог бы вместе с одной из колонн прородить весь путь; скажем, от звезды «Калибра до Красной площади».

Несколько позднее, или нет, изображение и панорама, изображение и погружение в историю и приглашение...

А между тем он мог бы оказаться среди шагающих — при содействии видеокамеры. (Года два назад телевидение предприняло такую попытку, с тех пор она не повторялась). Он мог бы включиться в разговор, возникающий тут же, в холоне. (Вспомните телевизорный «прямой» на узинах в дни полетов космонавтов). Он мог бы вместе с одной из колонн прородить весь путь; скажем, от звезды «Калибра до Красной площади».

Несколько позднее, или нет, изображение и панорама, изображение и погружение в историю и приглашение...

А между тем он мог бы оказаться среди шагающих — при содействии видеокамеры. (Года два назад телевидение предприняло такую попытку, с тех пор она не повторялась). Он мог бы включиться в разговор, возникающий тут же, в холоне. (Вспомните телевизорный «прямой» на узинах в дни полетов космонавтов). Он мог бы вместе с одной из колонн прородить весь путь; скажем, от звезды «Калибра до Красной площади».

Несколько позднее, или нет, изображение и панорама, изображение и погружение в историю и приглашение...

А между тем он мог бы оказаться среди шагающих — при содействии видеокамеры. (Года два назад телевидение предприняло такую попытку, с тех пор она не повторялась). Он мог бы включиться в разговор, возникающий тут же, в холоне. (Вспомните телевизорный «прямой» на узинах в дни полетов космонавтов). Он мог бы вместе с одной из колонн прородить весь путь; скажем, от звезды «Калибра до Красной площади».

Несколько позднее, или нет, изображение и панорама, изображение и погружение в историю и приглашение...

А между тем он мог бы оказаться среди шагающих — при содействии видеокамеры. (Года два назад телевидение предприняло такую попытку, с тех пор она не повторялась). Он мог бы включиться в разговор, возникающий тут же, в холоне. (Вспомните телевизорный «прямой» на узинах в дни полетов космонавтов). Он мог бы вместе с одной из колонн прородить весь путь; скажем, от звезды «Калибра до Красной площади».

Несколько позднее, или нет, изображение и панорама, изображение и погружение в историю и приглашение...

А между тем он мог бы оказаться среди шагающих — при содействии видеокамеры. (Года два назад телевидение предприняло такую попытку, с тех пор она не повторялась). Он мог бы включиться в разговор, возникающий тут же, в холоне. (Вспомните телевизорный «прямой» на узинах в дни полетов космонавтов). Он мог бы вместе с одной из колонн прородить весь путь; скажем, от звезды «Калибра до Красной площади».

Несколько позднее, или нет, изображение и панорама, изображение и погружение в историю и приглашение...

А между тем он мог бы оказаться среди шагающих — при содействии видеокамеры. (Года два назад телевидение предприняло такую попытку, с тех пор она не повторялась). Он мог бы включиться в разговор, возникающий тут же, в холоне. (Вспомните телевизорный «прямой» на узинах в дни полетов космонавтов). Он мог бы вместе с одной из колонн прородить весь путь; скажем, от звезды «Калибра до Красной площади».

Несколько позднее, или нет, изображение и панорама, изображение и погружение в историю и приглашение...

А между тем он мог бы оказаться среди шагающих — при содействии видеокамеры. (Года два назад телевидение предприняло такую попытку, с тех пор она не повторялась). Он мог бы включиться в разговор, возникающий тут же, в холоне. (Вспомните телевизорный «прямой» на узинах в дни полетов космонавтов). Он мог бы вместе с одной из колонн прородить весь путь; скажем, от звезды «Калибра до Красной площади».

Несколько позднее, или нет, изображение и панорама, изображение и погружение в историю и приглашение...

А между тем он мог бы оказаться среди шагающих — при содействии видеокамеры. (Года два назад телевидение предприняло такую попытку, с тех пор она не повторялась). Он мог бы включиться в разговор, возникающий тут же, в холоне. (Вспомните телевизорный «прямой» на узинах в дни полетов космонавтов). Он мог бы вместе с одной из колонн прородить весь путь; скажем, от звезды «Калибра до Красной площади».

Несколько позднее, или нет, изображение и панорама, изображение и погружение в историю и приглашение...

А между тем он мог бы оказаться среди шагающих — при содействии видеокамеры. (Года два назад телевидение предприняло такую попытку, с тех пор она не повторялась). Он мог бы включиться в разговор, возникающий тут же, в холоне. (Вспомните телевизорный «прямой» на узинах в дни полетов космонавтов). Он мог бы вместе с одной из колонн прородить весь путь; скажем, от звезды «Калибра до Красной площади».

Несколько позднее, или нет, изображение и панорама, изображение и погружение в историю и приглашение...

А между тем он мог бы оказаться среди шагающих — при содействии видеокамеры. (Года два назад телевидение предприняло такую попытку, с тех пор она не повторялась). Он мог бы включиться в разговор, возникающий тут же, в холон